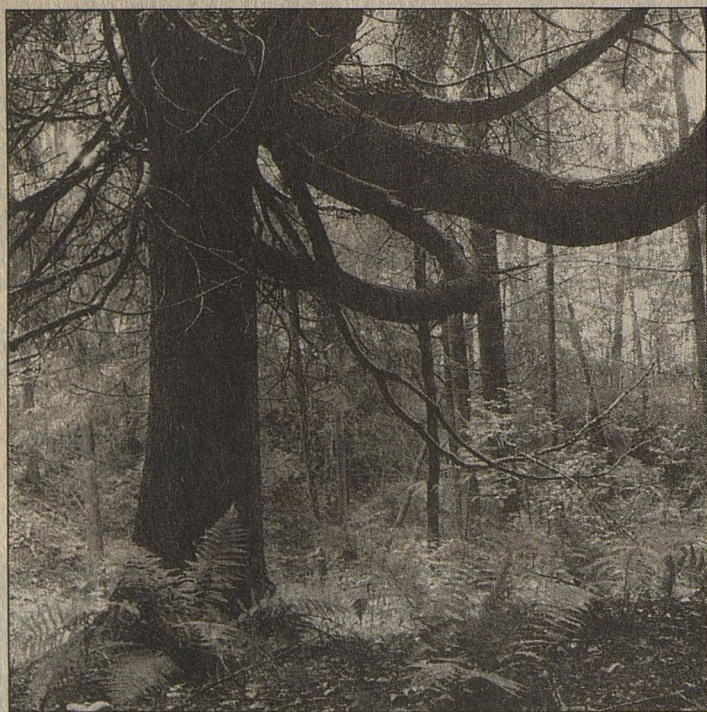


На земле Лукьяновой

Выставка в РОСИЗО



“Март. Ожидание”. Из цикла “Солнцеворот”. 1977 – 1989 гг.



“Папоротник”. Из цикла “Русалина неделя”. 1990 г.

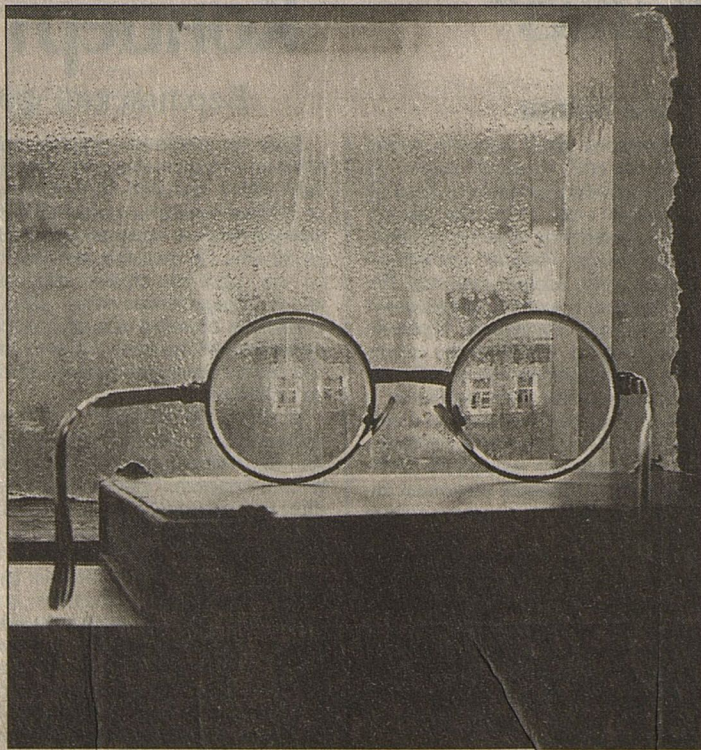
Как художник Галина Лукьянова родилась в семидесятых, когда ей было под тридцать и она уже оставила профессию инженера ради фотографии. Произошло это незаметно: молодая женщина, занимаясь в фотокружке с детьми, ушла от портретной съемки и жанровой фотографии и стала показывать пейзажи. В то время они представлялись необыкновенными не только простым зрителям, но и людям профессиональным в мире фотографии. Сегодня, когда история фотографического искусства в России приоткрыта и многие имена старых мастеров на слуху, фотографии Галины Лукьяновой, не потеряв таинственности, выглядят естественным продолжением тра-

диции русской изобразительной фотографии.

Фотография в России XIX века прошла тот путь, который был ей уготован в мировой культуре: заняла свою нишу, расширила возможности познания мира, заполнила информационное пространство и сама стала пространством, поглотившим многие функции старого изобразительного искусства. Фотография изменила взгляды множества любителей живописи и создала свой круг поклонников, и зрителей, и творцов. Среди фотографических жанров одним из первых сформировался пейзаж, иначе его в те годы называли ландшафтом. В ранней фотографии ландшафт был документален и эпичен,

поскольку целью его создания было сохранить, запечатлеть природу (и города) так, как видел “фотограф N. в 18... году”. За этим сохранением “вида” стояло чувство времени и вечности: ландшафт меняется во времени и сохраняется навечно – отраженным на снимке. Но как у летописца был дар писателя, так фотограф ландшафта был художником. В списках знаменитых ландшафтных мастеров второй половины – конца XIX века стоят имена Е.Вишнякова, Г.Ностица, И.-П.Рауля и, конечно же, М.Дмитриева и А.Карелина. Благодаря последней фотографии еще в период своего становления начала воз-

вращать сторицей изобразительному искусству. Так, ландшафтная фотография многое дала пейзажной живописи: от отпечатков-основ для картин и графических произведений (вспомним карелинские фотографические виды Нижнего Новгорода, раскрашенные и записанные Шишкиным) до спровоцированного – во многом фотографией – интереса к свету в пейзаже. С годами, к концу XIX века, фотография обрела статус искусства, ее изобразительность была признана и публикой, и журналами. В расцвет пикториальной фотографии рубежа XIX–XX веков одним из ведущих жанров был пейзаж. В России среди мастеров пикториального пейзажа – имена Б.Елисеева, Л.Шокина, В.Шохина, Н.Андреева, В.Улитина, П.Клепикова. Фотографы, вошедшие в историю благодаря своим пикториальным произведениям других жанров, также оставили замечательные изображения природы. А.Мазурин, Н.Свищов-Паола, А.Гринберг, Н.Петров – и этот список далеко не полон. К сожалению, вместе с тем как пикториальное направление было вытеснено из культуры Советской России фотографией репортажной, ангажированной социально и идеологически, стали не актуальны и пикториальный пейзаж, и ландшафтная фотография. Переживание одухотворенной природы и великой тайны ее исторических изменений было названо “буржуазным” и объявлено неважным для нового советского фотографа. Пейзаж сохранился как фиксация географических и растительных особенностей местности, но потерял внутреннюю суть и самостоятельность. Он стал частью репортажа – снимков, не существующих вне повествования. Даже пейзажи выдающихся мастеров советского репортажа имели в названии точное указание на то место на карте, где был снят кадр. Ведь там будет построен завод или город, осушены земли и устроены водохранилища, эти пейзажи – съемки строительного материала для нового мира. Как зритель фотографии превратился из лирического героя в рабочего/крестьянина, строителя будущего, так и окружающий мир на фотографиях утратил свою самоценность. На протяжении тридцатых – шестидесятых годов фотографический пейзаж жил в газете, разреженный растром и бессмысленный без подписи, несущей весь смысл его публикации, проходил по выставкам, но не пользовался особым вниманием у “заказчиков” от идеологии, поскольку в нем сложно было отразить и понять идеологические установки.



“Осень”. 1978 г.

Скромные пейзажи Галины Лукьяновой грянули в начале семидесятых как гром. Солнце, встающее за туманом, было живым, как и ожидающие его деревья и поля. Эти снимки ругали и хвалили, показывали на выставках и печатали. Пришло время другого пейзажа, другого фотографа, уставшего от гнета безличного текста. В это время в фотографии разных республик Советского Союза пейзаж стал жанром скрытой культурной оппозиции. Дюны К.Мизгириса и туманы на Русском Севере у А.Ерина, пронзительная живопись света в фотографиях Г.Колосова, лесные и горные виды А.Васильева, отраженное в воде небо А.Слюсарева, города Б.Савельева – все это выросло в семидесятых. За каждым из этих авторов сегодня целое направление в ландшафтной и пейзажной фотографии, тени учеников и последователей.

Фотографии Галины Лукьяновой архаичны и сдержанны. При взгляде на них в первое мгновение кажется, что автора минули десятилетия ракурсов и монтажа, кинематографической динамики кадра. Но фотография XX века растеклась по разным руслам, и, помимо мастеров динамической формы, среди оракулов фотографии последнего столетия – Вестон и Каллахан, Судек и Адамс. Форма фотографии этих мастеров поддается датировке, и все равно ускользает из прокрустовы ложа тенденций своей эпохи. Об их произведениях иногда можно сказать, что они не успели за временем, пока новый виток истории не указывает, насколько они его опередили. Нечто подобное произошло и с фотографиями Галины Лукьяновой.

Выставка Лукьяновой “На земле” в зале Государственного музейно-выставочного центра РОСИЗО Министерства культуры России представляет ее фотографии тридцатилетней давности. Есть в экспозиции и более поздние произведения, но их светочувствительность требует от комментаторов сохранять молчание. Те же, самые первые, необыкновенно точны в определении своей эпохи. Семидесятые – восьмидесятые годы прошлого века в нашей культуре трудно описать, их поверхность залакирована лозунгами, а внутренняя сущность неясна. Поэтому неопределенность сюжетов Лукьяновой уникально точна. Каждый зритель сегодня видит в них свое, от благодати созерцания мира до трагичности осознания себя. Ее пейзажи одних наполняют тревогой, а других умиротворяют.

В ее произведениях обострено чувство связи с окружающим миром. Когда она снимает свет в пейзаже, он ножом разрезает небо и землю, берег и воду. Она живет среди архетипов. Последние просто выскальзывают из-под контроля ее сознания, оседая в призрачных кошках, зеркалах, пустых и вскрытых предметах. Красота, видимая ей, созвучна тургеневским повестям, ясно-призрачным, прозрачным и совершенным. Ее фотографии – то же совершенство. Немного изменить тон или обрезать кадр – и все превратится в банальность, ступает. Она же оставляет только то, что точны. И редко дает им названия – как иначе обозначить одним словом то обилие смыслов, что таит свет в ее снимках; она называет лишь серии – направления мысли на протяжении всех лет, пока те создаются.

Она живет на земле, разводит сад и кур, раз в год исчезает в глушь на целый месяц, чтобы снять, как наступает весна, возвращается, печатает долго и мучительно, чтобы изобразить то, что она видит на земле, такой, какой знает ее только она.

Ирина ЧМЫРЕВА

Лукьянова Галина

30.05.2001